

Две семьи ужинали так, как будто были одной семьей. Позже к ним присоединились другие сотрудники фабрики, и все вместе они начали обсуждать последние изменения в центре провинции. Местные рабочие рассказывали, где открылись новые фабрики, где проложили новые дороги, где построили большие здания. Цены на вещи, которые раньше стоили один-два фэня, теперь выросли до одного-двух юаней. Деньги стали более ценными, продовольственные талоны потеряли свою значимость, общественное питание стало менее популярным, и многие начали заниматься мелким бизнесом. Кто-то рассказывал о людях, которым повезло, и они смогли сделать большой бизнес, о директорах, которые взяли фабрики в аренду, и о том, сколько миллионов те зарабатывали за год.

В общем, развитие центра провинции за последние годы даже местных жителей удивляло. Они говорили об этом с горящими глазами, брызгая слюной, но в их голосе чувствовалась гордость и желание похвастаться.

В тот вечер, вернувшись домой, дедушка Чжэн, Хань Чжицзюнь и Чжэн Пин пошли с рабочими фабрики в баню, чтобы продолжить разговоры и послушать чужие истории. Чэн Баоли и Чэнь Линлин собрали вещи и планировали взять детей с собой в баню, но Чжэн Хайян, обхватив ножку стола, закричал:

— Я не пойду в женскую баню!

Его серьезное выражение лица рассмешило всех взрослых.

Куда же ему идти, если не в женскую баню? Трехлетний малыш не мог пойти с мужчинами.

Чэн Баоли одной рукой держала корзину с вещами для мытья, а другой пыталась оторвать Чжэн Хайяна от стола. Чжэн Хайян изо всех сил цеплялся за ножку:

— Не хочу, не хочу, я мужчина, я пойду в мужскую баню.

Чэн Баоли и Чэнь Линлин смеялись до слез. Чэнь Линлин сказала Чэн Баоли:

— Ваш маленький мужчина не хочет идти в женскую баню.

Чэн Баоли потянула Чжэн Хайяна и, поддразнивая, сказала:

— Дурачок! Сейчас не пойдешь, а потом уже не сможешь, и тебя назовут похабником.

Мама, так детей не воспитывают...

В итоге Чжэн Хайян пошел с мужчинами в мужскую баню. Как только они вошли, они увидели того самого рабочего, который ужинал с ними в столовой. Он сидел на стуле и ковырял ногу, слегка пьяный, и громко сказал:

— Эй, привели своего малыша.

Чжэн Пин ответил:

— Да, он сказал, что он мужчина и не пойдет в женскую баню.

Все голые мужчины вокруг засмеялись. Разговоры в мужской бане были далеки от приличия. Кто-то мимоходом сказал:

— Пришел посмотреть на большую птицу.

Чжэн Хайян: «...»

Вечером, вернувшись домой, Чэн Баоли и Чэнь Линлин сидели во дворе, расчесывали волосы и разговаривали. Малыш Хань И лежал на кровати, болтая ножками, его лицо было розовым. Чжэн Хайян, лежа рядом, тыкал пальцем в его пухлые щеки:

— Наслаждайся этим временем, пока можешь. Когда тебе будет три года, ты пойдешь со мной смотреть на большую птицу!

С этого момента две семьи обосновались в центре провинции. Дедушка Чжэн работал в офисе директора фабрики, бабушка Чжэн была бухгалтером, а старый товарищ дедушки Чжэна теперь был директором маслозавода.

Сейчас маслозавод уже не был государственным. Общественное питание в то время уже не пользовалось популярностью. Экономика страны восстанавливалась, и государственные предприятия под давлением новой экономики показывали свою медлительность и недостаток энергии. Аренда фабрик директорами была популярным способом оживления государственных предприятий в центре провинции. Директорам давали достаточно полномочий для развития фабрик, и будущее предприятий зависело от них.

Старый товарищ дедушки Чжэна, директор маслозавода, звали Ху Чэн. Ему было примерно столько же лет, что и дедушке Чжэну. Он носил белую рубашку с закатанными рукавами и большие часы на запястье, выглядел очень солидно. Когда он пришел познакомиться с семьями, он стоял у входа, положив руки за спину и выпятив живот. Но после знакомства стало ясно, что он был очень добродушным человеком, улыбался и говорил с акцентом, так как у него не хватало одного переднего зуба.

Чэнь Линлин и другие говорили на вполне приличном китайском, а Чэн Баоли, благодаря общению с Чэнь Линлин, тоже научилась говорить на приемлемом уровне. Теперь, выйдя из маленького уезда Цзянбэй, она могла свободно общаться с жителями центра провинции. Её китайский был даже лучше, чем у Ху Чэна.

Дедушка Чжэн и бабушка Чжэн работали, а Чжэн Пин и Хань Чжицзюнь с семьями гуляли по городу. В первый день они обошли окрестности фабрики, а на второй день Хань Чжицзюнь попросил у рабочих велосипеды. Чэнь Линлин осталась дома с детьми, но Чжэн Хайян настаивал на том, чтобы выйти. В итоге Чэн Баоли села на велосипед Чжэн Пина, а Хань Чжицзюнь взял Чжэн Хайяна.

Четверо проехали по соседним улицам, и Чжэн Хайян снова почувствовал на себе дух времени. На улицах центра провинции было много людей. Даже в рабочие дни вдоль дорог можно было увидеть торговцев с тележками. На столбах висели маленькие рекламные листовки, но это были не объявления о лечении импотенции или бесплодия. Там были объявления о продаже компьютерных карт, печатных машинок и многого другого. Даже кто-то сидел на тротуаре, курил и держал табличку с надписью «Покупаем хорошие сигареты и алкоголь».

Чжэн Хайян смотрел на табличку и чувствовал, что она ему знакома. Он помнил, что в 2013 году на столбах тоже висели таблички с надписью «Покупаем сигареты, подарочные карты». Оказывается, это уже было в то время.

Четверо, устав от езды, остановились у маленького магазина, чтобы купить воды. Вода была заварена в алюминиевом баке с чайной пылью, стоила один фэнь за маленький стакан. Хань Чжицзюнь и Чжэн Пин выпили свои стаканы за два глотка. Чжэн Хайян, глядя на холодильник в магазине, подумал, что если бы он был владельцем, то охладил бы воду и продавал бы её за

три фэня, и она бы точно разошлась.

Хань Чжицзюнь выпил два стакана воды и, расплачиваясь, заметил стопку газет:

— Дайте мне по одной газете за каждый день. Есть ли у вас прошлые выпуски? Если есть, найдите мне и их.

Чэн Баоли, стоя у бака с водой, сказала:

— Хозяин, прошлые газеты уже не имеют цены, отдайте их нам бесплатно.

В этот момент Чжэн Хайян заметил маленькую бумажку, приклеенную к столбу перед магазином. На ней было написано чернилами: «Курсы по взысканию долгов ХХХ. Обучаем всему. Адрес: улица ХХХ, дом ХХ, 1 этаж, большая аудитория».

Курсы по взысканию долгов?

Чжэн Хайян сразу же вскочил и попытался сорвать объявление. Но оно висело слишком высоко для ребенка. Подпрыгнув пару раз, он решил проявить «храбрость» и начал карабкаться вверх по столбу, обхватив его руками и ногами.

Чжэн Пин, стоя под навесом магазина, взял газету из рук Хань Чжицзюня. Хань Чжицзюнь поднял взгляд и замер, увидев, что происходит за спиной Чжэн Пина. Чжэн Пин обернулся и чуть не поперхнулся чаем.

Его малыш, как маленькая обезьянка, висел на столбе, извиваясь, словно гусеница. Чжэн Пин поставил стакан и вышел:

— Маленький боже, что тебе сделал этот столб?!

Чжэн Пин снял Чжэн Хайяна со столба, а тот, указывая на бумажку, закричал:

— Бумажка, бумажка...

Чэн Баоли выбежала и забрала Чжэн Хайяна, пощипав его за пухлые щеки. Хань Чжицзюнь же заметил бумажку на столбе. Он сорвал её и прочитал:

— Курсы?

Но не выбросил, а просто вложил в газету.

Вернувшись домой, Чэнь Линлин налила им воды. Сейчас было жарко, и прогулка по городу была словно испытание огнем. Оба мужчины загорели. В комнате работал большой вентилятор, создавая прохладу. Чэн Баоли и Чэнь Линлин рассказывали о том, что увидели и услышали, а Хань Чжицзюнь и Чжэн Пин сидели и читали газеты.

[Время науки Кролика]

В то время цены не были такими высокими. На берегу реки всё было немного дороже. В 1988 году произошел резкий скачок цен, и в некоторых городах цены выросли очень быстро. Хотя государство вовремя остановило этот процесс, последствия были значительными. Продовольственные талоны всё еще использовались, и можно было купить что-то за один-два фэня. Не пугайтесь пятидесятифэневого чайного яйца. Когда я учился в университете, чайное яйцо тоже стоило пятьдесят фэней.

<http://bllate.org/book/16484/1497904>